

Сказание о Прокúдливом дереве

нёбыль первая

→ По зверянской типологии прокúдливое дерево, или Прокúдливо дерево, как его величают сказители, или Прокúда, как само себя рассказывает, – есть чúдо–нёвед, обитатель Срединного Мира, то есть не Верхнего.

И не Нижнего, которого нет, как такового: Нижний Мир существует ровно там, где его готовы принять да собою кормить.

Срединный же Мир кормит сам:

и жизнь, в нём квартирующую, и нежить, заглянувшую на запашок в Мир сей – от скуки ли, другой ли какой нáждобой верёдной, да в миру и застрявшую.

А прозывают жильцов тех нежитных, на постой не званных – чúдами да нёведами, то и просто нечисти́ью, или вовсе небыльёю...

Внешностью ж Прокúдливо дерево – изрядно отвратно:

гунявое сплошь: лысое, да к тому ж виловатое: кривульное, изломистое.

Лишь на паре-другой из ветвей корявых редко лепятся кустики хвои: с рыжими иглами, да напротив каждой рыжей – по игле синей.

Ещё и дупля́стое...

А задайся вопросом: по причине какой, какой лёшети ради – страхо́вину ту приютил белый свет? Ответа и нет.

Но само-то дерево – не безмолвное, не молчащее: говорящее, к чему приспособило дуль свою – дупло, вытлевшее в гнилом нутрё. Образовавшаяся при том пустота, словно путаная пещера, вторит извивам ствола... Сия полость и есть акустический причудливый резонатор – и гортань, и глотка Прокуды, откуда могут вовне вырываться диковинные, не всегда благозвучные звуки: то глухие, рокочущие, то бурлящие, булькающие, то урчащие, то свистящие.

Дуплина ж сама – расположена в ко́мле от корней невадале: чуть выше корневища, отчего расползающиеся жирными змеями да хваткими щупальцами корни Прокуды, когда их видно – а видно их бывает изрёдка – выглядят в точь борода лютая, поделённая на суверенные ко́смы, каждая – самостийно алчущая...

Впрочем, древо чаще является – там, где является – без выказывания хищных корней: сразу с комля торчащим из тверди, предпочтительно – скальной...

Вкруг дуплины ж безобразной губою лепится трутный нарос, гриб древесный: дупляница, а торчащие с-под него частоколом затвердевшие щепы смотрятся зубьями, то и клыками, да так-то и есть.

А вот птишки какие добрые, славные – трясогузки там, дятлы ли, буроголовые гаечки, горихвостки ли, поползни, вертишейки, да мухоловки-пеструшки, да голуби-клинтухи, или утки: мандаринки да гоголи – в том дупле не селились, хоть гнездиться по дуплам им прибыльно.

Даже дикие пчёлы то дуплѐ стороною облѣтывали:

не видать Прокуде бортевых ме́дov! не изведать вкус терпкий да вязущий с горечью – ме́да дикого: чёрного дупленика, не усладиться нектаром от медоносов лесных – то плодоносных, а то луговых – разнотравных, да от медвяной росы – с листьев клёна, орешника, дуба, осины иль ясеня, да от па́дей – липучего сладкого сока отхожего, что выделяет тля всякая да ещё листоблошки медяницы, в чём полезном ином они не замечены: зѐло вредные...

Хоть и было дупля́вым дерево, да не было глупым – ох, как не было! Горе тому, кто считал его дуплецо́м – сиречь “худоумный”, “дурак” в зверословии.

Дуплецо́м же был тот, кто с ним дружбу водил, да в союзы входил, да в товарищах числил: дупле́ц-то Прокúда совсем не дупле́ц, но – подлец!

Мудрецы ж величали дерево “дúровом”, сиречь тем, кто дурачит, дúрит изрядно да ловко.

